

МИР 2021: СОВЕРШЕННО ДРУГОЙ И ПОЧЕМУ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИД РОССИИ

2 ФЕВРАЛЯ 2021

Возросшие темпы перемен геополитического и экономического ландшафта, резкое ускорение общей трансформации современного мира, что характерно для любого эндшпиля, а в данном случае речь идет о завершении 30-летнего периода после окончания холодной войны, затрудняют детальное прогнозирование на обозримую перспективу. В то же время очевидно, что пандемия коронавируса КОВИД-19, как никакое другое явление, стала мощным аккордом в процессе деглобализации, доведя до сознания элит и широкого общественного мнения ценности суверенитета государств и надежных национальных границ.

В известном смысле мы возвращаемся в 60-ые гг. прошлого века, когда действовал общий ценностной знаменатель в форме универсальных конвенций ООН, а многоплановая конфронтация сверхдержав сдерживала политику насаждения идейного универсализма, отрицающего культурно-цивилизационное многообразие мира, сводившееся тогда к двум идеологиям и моделям развития, в основе которых лежали различные продукты европейской политической мысли и практики.

Таким образом, международные отношения постепенно возвращаются к традиционной норме, разумеется, с поправкой на накопленный негативный опыт и изменившийся исторический контекст. В этом может состоять принципиальная характеристика качественно нового этапа мирового развития, хотя нельзя сбрасывать со счетов попытки проведения инерционной политики в духе прежних инстинктов и предрассудков, прежде всего со стороны западных элит (как, к примеру, на то указывают недавнее заявление министра обороны ФРГ А.Крамп-Карренбауэр о ведении переговоров с Россией

«с позиции силы» или высказывание британского посла в Вашингтоне К.Пирс о том, что «нельзя допустить, чтобы Россия и Китай вышли победителями из пандемии»).

Пока же можно с определенностью говорить лишь о некоторых реперных точках прогноза эволюции международной ситуации в 2021 году, который во многих отношениях обещает быть переходным, вполне отвечая емкой характеристике нового президента США.

1. Мир будет продолжать сталкиваться с фундаментальным, кризисом, вызванным пандемией, и неопределенностью его исхода, что будет переформатировать экономическую жизнь и социально-экономическую политику правительств всех уровней. Наибольшие экономические последствия следует ожидать в странах исторического Запада – как в силу структуры их экономики (высокая доля сферы услуг) и особенностей образа жизни, так и сравнительно низкой способности к принятию долгосрочных политических решений, в том числе в области стратегического планирования и мобилизационной готовности. И в том и в другом случае преимущество остается за такими обществами, как китайское с его высоким уровнем социальной дисциплины (КНР восстановил экономический рост уже в III кв. прошлого года и по размерам ВВП выйдет на первое место в мире в 2028 году, при том что по паритету покупательной способности Китай обогнал США еще в 2016 году).

2. Соответственно, ситуация объективно работает на укрепление тренда к многополярности. Можно предположить, что параллельно США будут «сжиматься» до национальных границ, преодолевая имперское «расширение» послевоенного периода, которое, судя по последнему развитию событий, прежде всего консервативной

«революции Трампа» и грядущей либеральной реакции на неё, в не меньшей мере было aberrацией – но уже по отношению к изоляционистской традиции коренного американского самосознания. Само понятие исключительности/Manifest Destiny противоречит универсализму: тут все встает на свои места, пусть и с 75-летним отклонением, что подтверждает нелинейный характер исторических процессов (как, впрочем, и значение фактора фатальности/судьбы или, другими словами, смысла исторического бытия великих держав, призываемых самой историей к той или иной роли, пределы которой было бы неплохо сознавать; так, биполярность XX века предсказал еще А. де Токвиль в своей «Демократии в Америке»; очевидно и то, что с Русской революцией США оказались призваны играть балансирующую роль в европейских делах, которая, похоже, исчерпала свой ресурс; странным образом, СССР просуществовал ровно столько же, сколько неформальная империя США). В целом будет сказываться непомерная цена доминирования в современных условиях, что, как представляется, гарантирует от подобных проектов со стороны и других государств.

3. Как и в случае с Советским Союзом во второй половине

80-ых – 90-ых гг., внутреннее развитие США становится важным фактором мировой политики, в том числе в плане рисков её дестабилизации. Реакция либеральных элит, как и любая реакция на революционные процессы, грозит дальнейшим обострением гражданского противостояния в стране, включая возможный созыв конференции штатов, что предусмотрено Конституцией США. Демпартия с её геронтократической верхушкой, похоже, намерена вести себя как Бурбоны после Реставрации, которые «ничему не

научились и ничего не забыли». На это указывает стремление свести понимание американской демократии к апологии Конгресса, отрицая право на протест избирателей и приравнивая его к «подстрекательству к мятежу», а также мстительность по отношению к самому Трампу и его электорату с задействованием традиционных СМИ и корпоративной цензуры IT-монополий. Всё говорит о том, что сторонники Трампа уверены в массовом и системном подлоге в ходе выборов, когда на голосование по почте пришлось две трети всех бюллетеней. Как известно, в политике важны не столько факты, сколько представления о них. Главное, у элит проблема не с Трампом, а с его электоратом, который никуда не денется.

Трудно предположить, как демократы будут управлять страной, в том числе ввиду предстоящих через два года промежуточных выборов в Конгресс, вопреки воле электората Трампа, представляющего коренную, белую Америку, в наибольшей мере пострадавшую от бездумной глобализации и которой, создается впечатление, нечего терять. Поэтому явным перебором и своего рода «завуалированным проклятием» служит тотальный контроль Демпартии над обеими палатами Конгресса. Дальнейшая ставка на маргинальные слои, этноменьшинства, женщин и молодежь грозит усугубить положение администрации Байдена. То же можно сказать о применении методов «цветных революций» на американской почве в форме движения Black Lives Matter/BLM и чинимого им насилия, что дает основания сторонникам Трампа утверждать о двойных стандартах властей. Обращает на себя внимание растущее - на фоне запретов Twitter и Facebook - использование американцами мессенджера Telegram (как ранее китайского Tik Tok американской молодежью, недовольной

политикой Трампа). Похоже, что, как остаточное следствие глобализации, в американской политике сохранится иностранное присутствие на этом уровне, причем в порядке обеспечения свободы слова простым американцам.

4. Как бы то ни было, надо ожидать консолидации администрацией Байдена Западного альянса или, скорее, западных элит, которые будут соответственно восприниматься сторонниками Трампа, определяя еще одно измерение интернационализации внутриамериканских дел. Нельзя исключать, что встречно трамписты будут укреплять свои связи с антисистемными движениями и силами в странах-союзницах США (как это начал делать бывший советник Трампа Стивен Бэннон).

Для международных дел линия на «нормализацию» трансатлантических отношений может означать усиление антироссийских санкций и риторики с возможным нагнетанием военно-политической напряженности в отношениях Запада с Россией, а значит, в Европе. Пока трудно предсказать, где и как может заявить о себе «либеральный» интервенционизм демократов на уровне военных авантур после паузы, взятой на этом направлении американской политики Трампом. Легко предположить активизацию давления на Россию по периметру её границ, учитывая в том числе личную вовлеченность Байдена в украинские дела в его бытность вице-президентом при Обаме. В то же время есть основания полагать, что Германия будет оставаться в фокусе американской политики сдерживания, в том числе под предлогом противодействия строительству «Северного потока-2» (так, бывший министр обороны в

администрациях Дж.Буша-мл. и Б.Обамы Роберт Гейтс в свое время заявлял, что «надо призвать немцев к ответу»).

Однако стремление рассеять впечатление о США как о «больном человеке» Западного сообщества и императив для Байдена выглядеть анти-Трампом, «нормализующим» саму Америку и восстанавливающим её глобальное «лидерство», могут указывать на некоторые «лучи света», такие как сохранение на плаву российско-американского контроля над вооружениями, а также снижение напряженности вокруг Ирана (если не возвращение в СВПД по его ядерной программе). Речь также может идти о прекращении КСА и ОАЭ войны в Йемене, возвращении к общей позиции «квартета» международных посредников по палестинско-израильскому урегулированию и нормализации отношений «четверки» арабских стран с Катаром (формально уже произошла на январском саммите ССАГПЗ). При том, что Вашингтон продолжит давление на КНР, вызванное внутренними экономическими императивами, но оно будет носить сравнительно умеренный характер, учитывающий интересы союзников, страдающих от тотального противостояния США с Китаем (так, готовится к подписанию инвестиционное соглашение между ЕС и КНР, которое будет гарантировать союзников от американского экстремизма на китайском направлении). Элементом стабилизации в АТР на обозримый период будет служить соглашение о создании Всеобъемлющего регионального экономического партнерства, заключенное в конце года с участием Китая и американских союзников в регионе. Соответственно, трудно предположить, что в этой новой региональной среде могут быть возобновлены такие проекты (от них отказался Трамп), как Трансатлантическое торговое и инвестиционное

партнерство/ТТИП и Транстихоокеанское партнерство/ТТП. Хотя, кто знает.

Следует ожидать общего оживления многосторонней дипломатии США, в том числе по линии ООН, включая в ВОЗ и Парижское соглашение по климату. Такая работа по определению будет обязывать Вашингтон к проявлению умеренности в мировых делах. Идея «саммита демократий», если и будет реализована, выглядит сокращенным вариантом проекта «сообщества демократий» администрации Б.Клинтона, который остался на бумаге по понятным причинам, прежде всего потому, что мог запустить процесс подмены/распада ООН. А может быть и стратегической инициативой, которая расколется мир на годы.

5. Одной из важнейших задач оперативного международного взаимодействия останется результативное сотрудничество по обузданию пандемии, включая создание и производство вакцин, при недопущении любых попыток использовать трудности, переживаемые человечеством, в эгоистических целях, а то и с применением неправомерных санкций. Но, конечно, все это звучит очень оптимистично. Можно рассчитывать на активизацию продвижения конструктивных программ взаимодействия в этой сфере на многосторонних площадках в рамках ЕАЭС и БРИКС.

6. Определенный потенциал умеренности заложен в характеристике Байденом качественно новой ситуации в мире и применительно к политике на российском направлении, где более чем созрели условия для фундаментальной «переоценки ценностей». Об этом позволяют судить недавние высказывания ветерана-русиста из Брукингского института (мозговой трест Демпартии) Фионы Хилл (в

2017–2019 гг. ведала российскими делами в СНБ Трампа) и нынешнего председателя Объединенного комитета начальников штабов/ОКНШ генерала Марка Милли. Последний заявил в интервью газете «Уолл-стрит джорнал», что к России надо относиться как к великой державе (Обама считал Россию региональной державой), и высоко отозвался о состоянии российских Вооруженных Сил, как бы «закрывая дверь» для возможных военных авантур новой администрации, чреватых вооруженным столкновением с Москвой. Не получится дважды войти в один и тот же поток, как бы к этому ни призывали записные русофобы. Демократам легче выйти из антироссийской истерии, раз они выиграли выборы: в известном смысле они поменялись местами с республиканцами, с которыми всегда было легче иметь дело Советскому Союзу, что позволяет надеяться на проблески в российско-американских отношениях.

7. Для ЕС весь 2021 год станет непрерывной зоной турбулентности. Не исключено, что претензии Евросоюза укрепиться в качестве одного из глобальных центров силы, сопоставимого с потенциалами сверхдержав, останутся нереализованными, – европейские политические лидеры так и не смогли предложить реальную программу решения возникших проблем, а внутренние разногласия европейцев способны привести к кризису в вопросах политического лидерства в этой части континента. Обеим сторонам еще только предстоит переварить последствия Брексита, хотя и упорядоченного достигнутыми между Лондоном и Брюсселем соглашениями. В то же время деятельность панъевропейских площадок – ОБСЕ и Совета Европы – продолжит политизироваться,

ангажированность будет характерна, судя по всему, и для Европейского суда по правам человека.

8. На постсоветском пространстве, по оценкам большинства экспертов, происходит определенное переформатирование. Далекое не случайно резкую реакцию западных столиц вызвало успешное посредничество Москвы в Нагорнокарабахском урегулировании с направлением в зону конфликта российских миротворцев, что закрепляет позитивную историческую роль России как стабилизирующего фактора в регионе. Роль ЕАЭС, СНГ, ШОС и ОДКБ продолжит возрастать с учетом консолидации усилий государств-членов по коллективному решению существующих проблем. Для Большого евразийского партнерства наступит новый этап движения к практической реализации этой крупной идеи. Так, ЕАЭС будет продолжать расширять круг своих партнеров, будь то наблюдатели или участники соглашений по ЗСТ.

9. На Ближнем Востоке сохранится довольно устойчивая региональная нестабильность, усугубляемая застойным характером социально-экономических проблем и сохранением террористической угрозы, попытками милитаризации региона. Как следствие дипломатии Трампа, в 2021 году ожидается относительное улучшение отношений ряда арабских стран с Израилем, включая открытие дипломатических миссий.

10. Латинская Америка продолжит развиваться по формуле «уникальная общность и поливариантность развития». При этом вряд ли 2021 год внесет больше ясности в такую фундаментальную проблему региона, как кризис развития, когда не срабатывают все прежние

варианты восстановления экономики – как левые, так и неолиберальные.

11. Будет наблюдаться дальнейшее развитие Африки как одной из важных опор многополярной системы мира со все более активным участием государств континента в выработке решений международного сообщества. В 2021 году продолжится интенсивная подготовка Второго форума «Россия – страны Африки».

12. Важной территорией международного диалога по праву будет оставаться Арктика, и Россия приступит к эффективной реализации программы своего председательства в Арктическом совете в 2021–2023 годах.

13. Огромное значение в 2021 году приобретает задача преодоления негативных последствий пандемического кризиса для глобальной экономики, где по итогам прошлого года ОЭСР ожидает спад в 4,5%. Оценки перспектив ее решения экспертами, равно как и прогнозные показатели экономического развития, представляемые международными организациями (МВФ/ВБ, ОЭСР, рейтинговые агентства), в силу подвижности ситуации нередко существенно разнятся. Фундаментальная неопределенность в отношении развития пандемии, ее цикловой динамики остается основным фактором, препятствующим оценке баланса рисков не только в 2021 году, но и на более длительный период. Однако ясно, что на быстрое возвращение к «допандемическим» временам рассчитывать не приходится, поскольку за последний год имели место такие серьезные явления, как фактическая «заморозка» ряда ключевых секторов мировой экономики, разрывы глобальных цепочек добавленной стоимости, всплеск волатильности товарных и финансовых рынков, отток капитала из

развивающихся стран, ужесточение ограничительных мер и протекционизма/изоляционизма. Вместе с тем, важное значение для ускорения восстановления мировой экономики приобретают получившая мощный импульс цифровая трансформация, инвестирование в ключевые технологии, расширение торговли услугами онлайн.

14. В свете насущных требований времени 2021 год, надеемся, вновь позволит обратить повышенное внимание на дальнейшие перспективы устойчивого развития, зеленой экономики и изменения климата. В этом контексте важное значение будет иметь проведение в сентябре месяцев в Нью-Йорке Саммита по продовольственным системам. Россия будет активно продвигать свою «зеленую повестку дня» в сельском хозяйстве.

Осознанная цифровизация международных связей, как можно рассчитывать, будет способствовать новым коммуникациям – при ее эффективном проведении. В частности, ФАО планирует в 2021 году запустить международную платформу для обмена опытом с сфере цифрового сельского хозяйства, а Всемирный экономический форум пройдет вместо Давоса в Сингапуре, с его продвинутым цифровым оснащением. В целом, по прогнозным оценкам профессиональных организаторов международных платформ и форумов, можно ожидать, что в 2021 году возможно проведение примерно 46% специализированных мероприятий в так называемом гибридном формате (когда событие проходит одновременно на площадке и в виде интернет-трансляции), 27% – полностью в онлайн-формате, остальные – в традиционной форме личного общения, продолжающей вызывать к

себе наибольшее доверие, в особенности, в части международных переговоров.

15. С учетом новых мировых реалий сохранит повышенную актуальность задача активного проведения культурной дипломатии как несилового метода воздействия с целью популяризации национальной культуры, сохранения национальной идентичности и культурного многообразия, что, в свою очередь, создаст дополнительные предпосылки для развития международного сотрудничества. В 2021 году продвижению российского культурного контекста будет способствовать такое крупное событие мировой культуры, как 200-летие со дня рождения Ф.М. Достоевского. Наступающий год ознаменуют также 60-летие полета Юрия Гагарина в космос, 75-летие ЮНЕСКО. Даты значимые и эпохальные.

В целом, в 2021 году – как, видимо, и на обозримую перспективу – становление многополярного мира будет связано с геополитической конкуренцией, в том числе в контексте решения энергетических, экономических, военных, гуманитарных, информационных, культурных и эпидемиологических проблем. В задаче преодоления сложившейся ситуации, с точки зрения дипломатической практики, представляется весьма существенным в максимально полной мере использовать созданное самим развитием событий мощное движение в сторону выгодного всему человечеству миропорядка без победителей и побежденных. Именно так предполагалось завершить Первую мировую войну – тогда мир обошли бы все последующие катастрофы XX века. Сейчас, 100 лет спустя, должно хватить мудрости и политической воли отказаться от старой геополитики и её Больших игр и «больших

стратегий», имитирующих древние и даже античные (если брать ту же «ловушку Фукидида») образцы.

